

Глава 6. Новая жизнь русского и советского фольклора в Израиле¹

Во введении мы уже говорили о том, что интервью включают в себя элементы традиционного и современного фольклора. По нашим наблюдениям, чаще всего иммигранты цитируют анекдоты, пословицы, поговорки и сатирические стишки, однако нам встретились также былички и рассказы о гаданиях. Подобно тому, как самоидентификация иммигрантов изменяется под влиянием нового окружения, также изменяется и их мироощущение. По отношению к фольклору выходцев из СССР израильский антрополог Зильберман ввела понятие «контактная зона». Оно включает в себя следующие компоненты:

- Русско-еврейский фольклор
- Традиционный русский фольклор
- Советский городской фольклор

Все три компонента активизируются мигрантами при столкновении с реалиями израильской жизни, порождая новые тексты. Мобилизация фольклора страны исхода – хорошо изученный феномен. Так, например, Дег проанализировала использование венгерского крестьянского фольклора эмигрантами венгерского происхождения в Америке с целью эмоциональной консолидации венгерской общины (Дег 1984: 196–198). Поскольку еврейские местечки (штетлы) вместе с их самобытной культурой были разрушены на территории СССР в 1930-е и 1940-е годы, а советские евреи стали городскими жителями, в нашем материале практически нет примеров традиционного фольклора местечек. Русский крестьянский фольклор представлен единичными примерами, а основная масса текстов относится к фольклору советскому.

Наиболее популярным жанром советского, и, как следствие, эмигрантского фольклора, несомненно, является анекдот. Согласно краткой литературной энциклопедии, анекдот – это «короткий

рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица. В современном словоупотреблении (с сер. 19 в.) под анекдотом понимается также небольшой устный шуточный рассказ с неожиданной и остроумной концовкой» (Сурков 1962. Т. 1.: 233). Издатели литературного энциклопедического словаря несколько расширили данное определение анекдота, отметив, что анекдот во втором значении – это «краткий устный рассказ злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой; своеобразная юмористическая, нередко гротескная притча; основной жанр современного, преимущественно, городского, фольклора» (Кожевников и Николаев 1987: 28). Заметим, что первое и второе значения анекдота иногда совпадают, что приводит к появлению коротких рассказов якобы из жизни исторических лиц, имеющих неожиданную комическую концовку. Чрезвычайно популярны, например, серии анекдотов о Ленине, Чапаеве, Пушкине и других (см. Морозов и Фролова 1999; Чиркова 1998; Шмелева, Шмелев 2002: 83–84, 90–95). В последние годы исследователи поставили под сомнение обязательность для анекдота жанровой формы рассказа, показав популярность анекдотов-микродрам. (Белоусов 2003: 581; Левинсон 1999: 377). Традиционно считается, что анекдот, в отличие от шутки, не принадлежит рассказчику на правах авторства (Левинсон 1999: 376; Шмелева, Шмелев 2002: 21). Однако идея авторства в анекдоте присутствует, проявляясь в той или иной форме, например, в существовании популярного анекдота о розыске их авторов карательными органами, в приписывании анекдотов тому или иному лицу и, наконец, в самораскрытии авторов анекдотов (Белоусов 2003: 594). Несмотря на принадлежность анекдота к сфере комического, он отражает серьезные общественные процессы и «может считаться индикатором культурной и социальной структуры. Любая перестройка этой структуры в промышленной, моральной или политической сфере немедленно проявляется в анекдотах» (Рёрих 1990: 129).

Общественное значение анекдотов особенно велико в тоталитарных обществах, где открытая критика политической системы исключена. Именно поэтому в течение многих десятилетий политические анекдоты были для советских людей, и прежде всего для интеллигенции, клапаном, выпускавшим, как в скороварке, пары недовольства, отчаяния и безнадёжности. Советские евреи, лишённые каких-либо общинных структур, защищающих их интересы, особенно остро нуждались в чувстве солидарности. По справедливому замечанию Драйцера, юмор (в том числе систематический обмен анекдотами) фактически и выполнял эти спланированные функции, мобилизуя внутригрупповое самосознание (Драйцер 1994: 246–249). Социальное значение юмора становится очевидным при чтении социологической и психологической научной литературы, посвящённой советским евреям: многие ученые цитируют анекдоты с целью подтверждения тех или иных тезисов. Иногда анекдот приводится полностью, но чаще его заменяет легко узнаваемая концовка. Приведем несколько примеров: «Бьют не по паспорту, а по морде» (Ременник 1998: 256, полный текст анекдота см. во второй главе), «Еврей – не роскошь, а средство передвижения» (Брим 1994:21; Лебедева 2001:158–159; Рывкина 1996: 44)². Рывкина приводит ещё один анекдот: «Приходит человек устраиваться на работу. Его спрашивают – «Кто Вы по национальности?» Он отвечает: «Таки да...» (Рывкина 1996: 43). Гительман (1997: 22) говорит об «инвалидах пятой графы». В отличие от упомянутых авторов, психолог Ротенберг не только процитировал анекдот, но и объяснил его ивритоязычным читателям, не имеющим необходимых культурных ассоциаций: «Все советские писатели делятся на две категории, евреи и русские. Евреи – это Константин Паустовский, Корней Чуковский, Виктор Некрасов, а русские – Александр Чаковский, Александр Дымшиц, Цезарь Солодарь. Первая группа состоит из честных писателей, известных своей порядочностью, а вторая – из этнических евреев, известных своим конформизмом и лояльностью к советской власти. Смысл анекдота в их изгнании из собственной группы за неподобающее поведение» (Ротенберг

2000: 214). Любопытно, что и эмигрантские анекдоты уже проникли в социологическую научную литературу: «Реальным отражением этого (мифа о русской алии как алии деятелей культуры) стала известная шутка о том, что если в руках спускающегося по трапу самолета нового репатрианта нет скрипки, значит он – пианист» (Фельдман 2003: 347). Встречаются и аллюзии на анекдот о статусе иврита, ставшего вторым (после русского) официальным языком Израиля (Марковиц 2000: IX; Гительман 1995: 17).

Широкое использование анекдотов в эмигрантской прессе частично объясняется защитной функцией юмора в стрессовых ситуациях, давно обнаруженной Фрейдом (1959) и описанной фольклористами и психологами на конкретных примерах (например, Лефкур и Мартин 1986; Нево и Левин 1994; Обрдлик 1941–1942; Фиалкова 2001 и т.д.). Вместе с тем, юмор помогает сформировать новую коллективную самоидентификацию и адекватно реагировать на реальности иного социального окружения (Зильберг 1995: 10).

Знакомые лица в новом окружении

Герои любимых советских анекдотов хорошо прижились на израильской почве и органично вписались в эмигрантский фольклор. Среди них Василий Иванович Чапаев и его верный ординарец Петька, Владимир Ильич Ленин, персонажи кинофильмов и волшебных сказок. Все они сохранили свой традиционный облик, характерные формы поведения и, что особенно важно, «семантический код» (Чиркова 1998: 33; Шмелева, Шмелев 2002: 83–84). Перенесенные в иное окружение эти черты высвечивают подобие или, напротив, различие между обоими обществами. Приведем несколько примеров.

В фондах ИАФР зарегистрирован двадцать один анекдот о Чапаеве.³ Все они были популярны в СССР и не имеют отношения к эмигрантскому опыту. Чапаев предстает в них советским Ивануш-

кой-дурачком. В наших этнографических дневниках упомянуты два анекдота, действие которых напрямую связано с Израилем:

Петька встречает Василия Ивановича.

– Василий Иванович, это правда, что ты побывал в Израиле?

– Я? В Израиле? *Ма питом* (чего вдруг? – иврит), Петька!

Василий Иванович Чапаев во главе своих красных конников въезжает в город Офаким, где его встречает восторженная толпа эфиопов. Василий Иванович обратился к встречающим с вопросом:

– Скажите, братцы, а белые в городе есть?

Характерной чертой эмигрантских анекдотов является смешение кодов (языковых и/или социальных), делающее их непонятными для непосвященных, к которым относятся как жители СНГ, так и русскоязычные граждане других стран дальнего зарубежья. Первый из процитированных анекдотов отражает изменение в отношении к Израилю со стороны жителей СНГ. Израиль перестал быть страной, билет в которую покупают в один конец, но не все и не всегда хотят афишировать связи с ним. Василий Иванович выдает себя ивритской фразой, одной из первых проникающих в речь русскоязычных израильтян. Второй анекдот построен на символике цвета. Как известно, в советских чапаевских анекдотах «белые» монархисты противопоставлены «красным» большевикам. На израильской почве оппозиция меняется (белые–черные) и приобретает расистский характер. В третьей главе мы уже отметили презрительное отношение эмигрантов из бывшего СССР к эфиопам, воспринимаемых как «черные» чужаки, а не как братья-евреи. Заметим, что анекдот косвенно определяет некоторые израильские города как «черные», противопоставляя им неназванные «белые» города.

В семнадцати анекдотах в фондах ИАФР действует баба Яга, всегда изображаемая старой и уродливой⁴. Пародирование традиционных фольклорных жанров – характерная особенность совре-

менного фольклора. Исследователи в один голос подчеркивают особую привлекательность для пародирования широко известных волшебных сказок, таких как «Белоснежка и семь гномов», «Красная Шапочка» и «Золушка», поскольку их герои и сюжеты универсально узнаваемы (Джонс 1985; Престон 1994; Рёрих 1990). Перенесенные в иной жанр и в иной социальный контекст сюжеты переосмысливаются, используя для высмеивания наивного оптимизма и чистой, асексуальной любви. Во многих анекдотах эротика, затушеванная сказкой, старательно и грубо выпячивается. Другой характерной особенностью этого жанра является столкновение героев из разных сказок и детской литературы. Джонс, например, упомянул анекдот, в котором Белоснежка встречается с Пинокио (1985: 109–110). В известных нам анекдотах баба Яга фигурирует вместе с лешим, Красной Шапочкой, Спящей красавицей и т.д. И лишь в двух анекдотах действие перенесено в Израиль.

Дана Л. (ИАФР 22134)

Встречаются Буратино и Баба Яга. Буратино говорит:

- Я учусь в Хайфском университете, и я там самый умный.
- Да что, самый умный?! Я, вот, учусь в Технионе, так я там самая красивая!

Спустя год после интервью с Даной другая русскоязычная студентка Хайфского университета рассказала иную версию этого анекдота:

- Где можно встретить бабу Ягу?
- В Технионе.
- А Спящую Красавицу?
- В Хайфском университете. (Из этнографического дневника).

Оба анекдота обыгрывают традиционное уродство бабы Яги и глупость Буратино (пассивность Спящей красавицы) как отражение

гендерных различий в разных израильских университетах (в Технионе заметно преобладают мужчины, а в отсутствии женщин и баба Яга превращается в красавицу). Использование сказочных (литературных) протагонистов в аналогичной роли было характерной чертой студенческого фольклора уже в советское время и продолжает оставаться продуктивной моделью в современной России. По наблюдению Шумова, несмотря на количественное преобладание женщин-студенток, основная часть известных фольклорных текстов относится к мужской традиции, что объясняется большей социальной активностью мужчин-студентов. Противопоставление разных факультетов (мужского физмата или лечфака – женским филфаку или санфаку) обыгрывалось довольно широко (Шумов 2003: 165, 175). Однако, помимо традиционного гендерного значения, приведенные выше анекдоты получили дополнительное значение. Студенты-иммигранты, женщины и мужчины, превосходят коренных израильтян по красоте и уму по принципу «молодец среди овец».

Помимо Буратино, в советский фольклор вошел и другой герой толстовского «Золотого ключика» – папа Карло, упоминаемый во фразеологическом выражении «работать, как папа Карло».

Ева Ф., 40

Интервьюер: Ева, помнишь свои первые контакты с израильтянами?

Ева: Не забываю. Опять-таки заранее пре... говорю, потому что ну, нам очевидно, повезло. Хотя, честно говоря, с кем бы я ни говорила, обязательно у кого-то какая-то добрая фея или какой-то добрый волшебник был у каждого из нас. Э-э, и даже те люди, которые, вот, каждый раз плачутся, ну, есть определенный характер. Ну, я – оптимистка по натуре, поэтому мне (*пауза*) дали – спасибо, не дали – а за что мне было давать? То есть я приехала сюда, я для этой страны не сделала на ломаный грош ничего. Мне уже в аэропорту дали какие-то деньги. А мне никто ничего не давал, хотя я на ту страну работала, как папа Карло, и-и э-э, мои, все поколения моих родственников честно платили подоходный налог и все, что было положено. И-и как мы жили там и никаких «милло-

стей от природы» не э-э, надо ждать. Здесь от природы мы получили сразу какие-то деньги. То есть нам сказали, что там будут давать это, это э-э рассказали. Давать, а что давать, – я так и не поняла. Но э большое вам спасибо и на этом, дорогое государство.

Ева, коренная одесситка, щедро перемежает свой рассказ фразеологическими оборотами. В процитированном фрагменте они встречаются трижды («ломаный грош», мичуринское «не ждать милостей от природы», «работать, как папа Карло») и служат сравнению отношения СССР и Израиля к своим гражданам. После жизни в СССР, где милости от природы (и от государства) ждать не приходилось, первые месяцы в Израиле показались ей сказкой, заселенной феями и волшебниками (ср. с мотивом чуда в пятой главе).

Однако, неожиданно для эмигрантов израильские «феи и волшебники» в штывы встретили Деда Мороза со всеми его подарками и, конечно, елкой, однозначно связываемой с неприемлемыми для иудаизма Рождеством и днем Св. Сильвестра (31 декабря). Заметим, что для многих старожилов Новый год ассоциируется с погромами, прокатывавшимися по местечкам Восточной Европы как результат алкогольных излишеств. Отношение эмигрантов к советским праздникам, и в первую очередь, к Новому году, неодинаково: кто-то подчиняется обстоятельствам или теряет к ним интерес, кто-то продолжает встречать Новый год в ночь на первое января, хотя утром приходится идти на работу. Приведем несколько рассказов, первый из которых дошел до нас в двух версиях. Одна информантка рассказала его как анекдот, другая – утверждала, что услышала его в телепередаче.

София Е., 48

Детское новогоднее представление в *матнасе* (общинный центр—иврит). Снегурочка объявляет выход Деда Мороза. Свет погас, бьют в барабаны. Когда на сцене вновь вспыхивает свет, там стоит Дед Мороз с большим мешком подарков в руке. Дети зачарованы чудом и смотрят на него в полном молчании. И вдруг из зала раздается детский голос:

«*Има, ми зе?*» (мама, кто это? – иврит).

«*Ани йодаат? Улай Машиах*» (Откуда я знаю? Может быть, Мессия? – иврит).

Ольга Ш. 50 +

Интервьюер: А продолжаете праздновать те праздники, которые праздновали в Союзе? Тот же Новый год?

Ольга: Да, Новый год (неразборчиво).

Интервьюер: Восьмое марта?

Ольга: Ну, восьмое марта я и там плохо относилась. Я всегда говорю, что День женщины – это как День собаки, День кошки. Почему его надо выделять? Поэтому и там, и тут. А Новый год, даже не потому, что он «не клеится» к Израилю, а потому что он «не клеится» к природе. Для меня Новый год – это снег и елка. Как можно здесь поставить елку? Когда нет ни снега, как правило, в Новый год тепло.

Интервьюер: Да елки-то самой ведь нету.

Ольга: Так что как-то «не клеится». Поэтому мы не справляем. То есть, как не справляем. Опять же, садимся за стол, выпиваем шампанское, это как бы так, традиция. Но елки не ставим, игрушки не делаем.

Интервьюер: И нету вот этого ожидания вот этой минуты?

Ольга: Нет. Никакого ожидания, никогда.

Интервьюер: Проводить Старый, встретить Новый.

Ольга: Ничего этого уже нет. Все меняется все-таки от условий. Несмотря на то, что мы приехали уже зрелыми людьми и, естественно, трудно привыкнуть к новому. Твое оно, не твое, нет, все равно уже к новому трудно привыкнуть. Но условия как-то все-таки накладывают отпечаток. И на поведение, и на взгляды.

София Ш., 31

София: Мы зажигаем на *Хануку* свечи только для них (для детей), мне это ни о чем не говорит и не радует меня.

Интервьюер: Елку Вы не ставите?

София: Я ставлю елку. Каждый год.

Интервьюер: Как киббуц это воспринимает?

София: Ходят, открыв рты, ко мне.

Интервьюер: Кто ходит?

София: Открыв рты. Я приглашаю людей. Я объясняю всем, чем отличается Новый год от *Кристмас* (Рождество –

английский). Постоянно. То есть сейчас уже привыкли. Меня уже стали спрашивать: «Ты ставишь елку?» «Да». «Какого числа? Мы придем».

Я приглашаю детей. Я говорю родителям: «Ребята, я сегодня ставлю елку, с лампочками. Приводите». И они ходят, и они смотрят. Уже привыкли. Это было очень сложно сделать. То есть на меня... Поначалу меня пытались переучивать очень сильно. Но это опять-таки было что-то, что мне было важно. Это – мой праздник. Я кладу подарки, дети знают, что это такое, Дед Мороз. И вот сейчас начнется декабрь, уже можно будет пугать, что он не принесет, если будет так, а не иначе. И это – да, это обязательно. Остальные праздники у нас как-то так... Седьмое ноября мы не празднуем.

Заметим, что праздновать елку в кибуце намного сложнее, чем в городе, где человек значительно автономнее и меньше зависит от общественного давления коллектива. С давлением, однако, в той или иной мере приходится сталкиваться всем. Оно проявляется в удивленно поднятых бровях сослуживцев, презрительных репликах соседей, статьях в ивритоязычной прессе. Отстаивая право на полюбившийся праздник, люди выбирают разную тактику: не афишируют празднование, или, наоборот, устраивают его демонстративно шумно. Многие, однако, подобно Софии, приглашают израильтян, объясняя им светский характер Нового года, отделенного советской властью от Рождества и лишённого христианской символики. Объяснять приходится все: и то, что на елках не было ангелочков, а под елкой – игрушек с яслями, и то, что звезда на верхушке ассоциировалась с Кремлевскими звездами, а не с Вифлеемом. И уж совсем удивляются ивритоязычные гости, когда узнают об отличии Деда Мороза от Санта Клауса, о существовании Снегурочки и о том, что в конце XIX – начале XX века православная церковь безуспешно боролась с елкой как таковой, потому что видела в ней западное влияние, угрожающее утратой религиозного характера праздника (Душечкина 2001). В начале 1990-х елочные игрушки можно было купить только в арабских районах, а сейчас они, как и пластиковая елка, – неотъемлемая часть израильской торговли. Невозможно достать лишь Деда Мороза, недопу-

щенного в торговлю своим западным конкурентом – Санта Клаусом. До недавнего времени не было и Снегурочки. Впервые нам довелось увидеть ее в канун 2004 г. в виде куклы Барби китайского производства со светлой косой, в кокошнике и традиционной бело-голубой шубке, под которой оказался русский сарафан. Любопытно видоизменился сам ритуал встречи Нового года. Часто он проходит в русских ресторанах, где можно свободно шуметь и танцевать (напомним, что ивритоязычные соседи нередко спят в новогоднюю ночь). Если празднуют дома, то Новый год провожают по Кремлевским курантам (в Израиле время на час отстает) на первом канале Российского телевидения, а встречают вместе с русскоязычным израильским телеканалом Израиль-плюс, где проходит бело-голубой (цвета израильского флага) «Огонек». В последние годы премьер-министр Израиля обращается к русскоязычным израильтянам с приветствием, появляясь на экране, через час после Президента России, а среди гостей бело-голубого Огонька немало политических деятелей, что, безусловно, легитимизирует праздник как таковой. В новогодние дни проходят спектакли для детей на русском языке, в которых участвуют Дед Мороз и Снегурочка. В целом, можно сказать, что эмигранты из бывшего СССР не отказались от привычных традиций. Несмотря на то, что еврейские праздники вошли в жизнь многих семей, любимые советские традиции отброшены не были. Мужчины по-прежнему дарят женщинам цветы 8 марта⁵, а ветераны Великой Отечественной войны надевают ордена и медали 9 мая. Израильтяне часто неодобрительно относятся к сохранению иммигрантами культуры страны исхода, видя в этом признак геттоизации русскоязычной общины.

Мы уже отмечали эклектичность верований наших информантов. Среди них и традиционные гадания, проходившие в рождественский и новогодний период. В качестве примера приведем фрагмент из интервью с Марией Ш., записанного студенткой хайфского университета Эйнат Левенберг в рамках курсовой работы по современным гаданиям и хранящейся в фондах ИАФР.

Мария Ш., 27 (ИАФР 22154)

Мария: Бабушка говорила, что... когда я спрашивала ее про гадания и все, она говорила, что это делать нельзя, это очень опасно. И рассказала мне случай (пауза). У них на улице (пауза), во дворе в смысле, жила одна (пауза) девушка. Она уже была старая дева, то есть она такая, стала старой девой. Все считали, что это, то есть из-за того, что она гадала (пауза). У нее на лице был (пауза) шрам (пауза) и красная такая полоска. То есть это не то, чтобы шрам (пауза), просто красная полоса, которая не сходила. И, значит, рассказывали такой случай. Она в Рождество с подружками (пауза) или сама, я даже не знаю, решила погадать (пауза) перед зеркалом. Зеркало, как известно, это переход, это грань между потусторонним миром и-и-и нашим миром, то есть это как бы дверь, вход. И если ее приоткрыть, то можно туда попасть. И она на Новый год, а Новый год – это такие, такие дни, когда все духи как бы выходят погулять. Есть праздник всех святых. Вот, это был тот, или Рождество (пауза), это то же самое, тоже духи разгуливаются. Ну, в общем, она гадала перед зеркалом, (пауза) гадала перед зеркалом. Свечи, зеркало, какие-то там заговоры читала. Надо очень долго-долго сидеть, и она сидела. И-и-и вдруг из зеркала, в зеркале, в конце коридора, получается такой зеркальный коридор, в конце коридора появился черт. Она испугалась. Надо перевернуть зеркальце сразу, когда что-то получается. Она так перепугалась, что не сообразила. Этот черт приблизился и ударил ее своим хвостом по лицу, и вот эта полоска у нее осталась на всю жизнь. Она даже немножко свихнулась, так сошла с ума из-за этого, и больше никогда не вышла замуж.

Эйнат: Кошмар, а как же...

Мария: (перебивает) А еще бабушкин папа увидел свою жену, тоже увидел ее в зеркале (пауза). Он вообще был коммунист и не верил ни в какие гадания, и ни во что он не верил, ни в бога, ни в черта. Но он тоже был, как он еще не был женат и-и-и (пауза) был Новый год, и компания, там все гадали. Ну, и его уговорили. Он говорит: «Ну, ладно, ради смеха, чё там, погадаю. И-и-и как ни странно, он увидел в

зеркале (пауза) свою будущую жену, (пауза) мамин, бабушкину маму. Ну, вот так (пауза), потом он ее встретил на самом деле. (...) Потом он ее встретил. Он сразу понял, что это она.

Мария (имя вымышленное) – студентка университета. Она еврейка и в ходе интервью определяет себя как верующую, что, впрочем, не проливает свет на то, о какой религии идет речь. В ее репертуар входят рассказы о рождественских гаданиях, равно как о гаданиях по Торе, а также истории о диббуке, злом духе, известном в еврейском фольклоре и литературе. Комментируя ритуал гадания, она обращается к понятиям, заимствованным из иудаизма и христианства, хотя и сознает, что обе религии запрещают предсказывать будущее.

Во второй главе мы процитировали информантку (Юлию Н.), объяснявшую незнание еврейских традиций влиянием коммунистов – отца и свекра. Позицией партии объясняет Мария и запрет на гадания, представлявшие собой отход от марксистко-ленинского материалистического мировоззрения. Тем не менее, гадания, запрещенные и партией, и православной церковью, сохраняли свою популярность в годы советской власти, а рассказы о них составляют самостоятельный жанр современного подросткового фольклора (Топорков 1998). И в традиционном крестьянском, и в современном городском фольклоре гадания в целом, а с использованием зеркала в особенности, считаются греховными и, следовательно, опасными (Максимов 1994: 271; Топорков 1998: 22–23). В этом плане первая из двух рассказанных Марией историй полностью соответствует структуре быличек. Вторая история, представляющая собой семейный меморат, акцентирует эффективность гадания, разрушающего исходный скептицизм прадедушки-коммуниста. Исследователи фольклора традиционно разделяют иудейскую, христианскую и языческую традиции, что, однако, не всегда «работает» по отношению к современным рассказчикам. Как справедливо заметил Мороз, реальные носители фольклора

нередко объединяют разнородные элементы в единое символическое целое (Мороз 2001: 10).

Рассказы о гаданиях, правда, не приуроченные к Новому году, есть и в интервью с Екатериной Р. Они представляют собой семейные мемораты, заканчивающиеся наказанием гадающего. Екатерина выросла в Ташкенте у русской матери и еврея-отца в мусульманском окружении. Обе бабушки «очищали» дом от нечисти с помощью молитв (иудейских или христианских). В Израиле девушка мучительно ищет синтез между тремя великими религиями (см. вторую главу), что отнюдь не уменьшает ее веру в существование языческих персонажей русских быличек.

Екатерина Р., 24

Екатерина: Нет, домовой живет... Есть домовой, который живет в доме, когда он строится. Сам приходит и выбирает себе дом. Есть домовой, которого приводят в дом. Допустим, если в доме живет кошка, значит, в этом доме живет домовой. На курсах нас учили: если кошка зашла в дом, уличная кошка зашла в дом, и нагло разгуливает, – нагло домовой пытается зайти и показать, «какой я хороший». Допустим, вот Вы позвонили, буквально... нет. Когда мне Соня сказала, что Вы должны позвонить, прошло время какое-то, и вот, до Вашего звонка у меня был такой же случай, вот здесь уже, в Израиле. Я ложусь спать, и мой домовой, который в доме, я поняла, что это домовой, он начал мне устраивать веселую жизнь. Он мне начал говорить: «Я хочу спать с тобой!»

Я говорю: «Наглость, какая! Спать ты будешь под кроватью на полу».

«Мне холодно!»

Я говорю: «Меня это не волнует. Холодно – не холодно. Я говорю: – Ляжь!»

«Нет, я буду сидеть напротив тебя!»

Я говорю: «Я сказала, спать ты будешь под кроватью! Ты можешь сидеть, где угодно!»

Интервьюер: Вы слышите его голос?

Екатерина: Я не слышу, – я чувствую, то есть это идет на подсознательном уровне. Он командовать начал! Я говорю: «Ты будешь командовать?!» Я говорю: «Все равно усмиришься!» То есть теперь мой домовый спит под кроватью у меня. Причем он выбрал четкое место спать у меня в спальне. Именно под моей койкой. Это то же самое, что было в Ташкенте. Но домовый не уходит из дома. Можно спросить домового: «Ты едешь с нами?» Когда меняют страну, если меняют город, еще как-то. Если меняют квартиру, еще как-то домовый переходит. Если меняют город, то он редко, но может не уйти. А страну, – так тем более. Так надо было спрашивать: «Ты идешь с нами?» Если тебе нравится домовый, если он доброжелательный.

Интервьюер: Вы спросили?

Екатерина: В Ташкенте я не спрашивала. Тут просто у меня братишка принес кошку домой, и я же знала, что, если кошка в доме будет, то это будет домовый.

(...)

Интервьюер: То есть он за Вами не поехал? Он остался там?

Екатерина: Я не знаю, поехал – не поехал. Может быть, это даже тот домовый, который жил там, вернулся сюда. Искал-искал-искал-искал и захотел приехать.

Интервьюер: Вы забыли его спросить?

Екатерина: Я не помню в тот момент, мы так собирались, что я не помню. Или я даже это узнала потом, что можно его позвать.

Человек, не знакомый со славянской фольклорной традицией, мог бы счесть Катю психически неуравновешенной, однако это не так. Как известно, представления о домовом чрезвычайно популярны в России. Домовой, согласно народным верованиям, амбивалентен, может помогать и вредить, но в любом случае серьезно влияет на жизнь семьи, в которой поселился. Иногда его изображают похожим на крохотного мужичка, а иногда – на кошку, собаку, теленка, змею или лягушку. Катя никогда не видела своего домового, что тоже соответствует народным представлениям. Увидеть

домового можно лишь при особых обстоятельствах, например, в полночь, если заглянуть в зеркало, или в полнолуние, смотря через борону или хомут и т.д. Не случаен и рассказ о претензиях домового на Катину постель, поскольку домовой традиционно вступает в сексуальные отношения с одинокими женщинами, прежде всего, молодыми вдовами. Уезжая, хозяева должны пригласить домового с помощью специальных заговоров присоединиться к ним, – брошенный, он будет страдать и мстить покинувшей его семье (Левкиевская 1999: 120-124; Максимов 1994: 28–39). Екатерина верит в возвращение домового, как и она, осваивающего новое пространство. Незнакомая страна, заселенная знакомыми персонажами, кажется более дружелюбной. В нашем корпусе интервью домовой упомянут также в рассказах Корины Ю., 67 (см. главу пятую) и Даны Л., 23.

Анекдоты о себе

Как известно, анекдоты – это самый популярный жанр современного русского фольклора. Поскольку эмигрантский опыт бывает и печальным, и комичным, многие личные рассказы приобретают форму анекдота. Заметим, что это характерно не для всех информантов, а, прежде всего для хороших рассказчиков, в репертуаре которых немало анекдотов и личных рассказов. Воспоминания об образе жизни в СССР, равно как и о пост-эмиграционном опыте, – неисчерпаемый источник подобных рассказов. Петр, которого мы уже несколько раз цитировали во второй и четвертой главах, – театральный режиссер, вернувшийся из Израиля в Россию. Публикуемый ниже рассказ он нередко повторяет во время краткосрочных приездов к родственникам в Израиль.

Петр Г., 43

Даже сейчас, когда я выезжал (из России в Израиль уже после реэмиграции), заполнял декларацию в аэропорту, там есть теперь графа «гражданство». И есть графа «место по-

стоянного проживания». Гражданство я написал «Россия», поскольку я по российскому паспорту выезжаю оттуда. А «место постоянного проживания» я не знал, что писать. Хотел ленинградский адрес писать. А мне сказали: «Нет, у Вас место постоянного проживания – Израиль, Вы должны писать». Вот, там до смешного доходило. Значит, я там (в России) «авторские» получаю, как автор, за некоторые..., пьеса там у меня идет. Мне надо было открыть в сберкассе такой счет, чтобы, значит, на счет шли эти деньги. Я открыл счет, все нормально, там получал-получал. Потом вдруг они увидели, что у меня паспорт без прописки. У меня же нет никакой прописки. И стали каждый раз при получении денег или при какой-то... В общем, десять минут изучали мой паспорт и вообще не понимали, что это. Хотя он обычный паспорт, такой же, как у всех. Кроме этого штампа (о выезде на постоянное место жительства в Израиль), ну, там еще фотография цветная, а у этих не цветная, у кого там обычный паспорт. И все время говорят: «Вы, гражданин, зарубежный». Я говорю: «Вы видите, написано: «гражданство – Россия. Русскими буквами». «А, да-да. Где Ваша прописка?». Я говорю: «У меня нет прописки, я в Израиле проживаю. Здесь работаю по контракту». И один раз смешно, они пытались: «Ну, хорошо. Скажите, где Вы в Израиле живете?» Я говорю: «Вам это надо? Хорошо. Кфар-Саба», – говорю. Пять минут, значит. «Что, как? А улица, какая?» Я хотел сказать настоящую, а потом думаю, какая им разница?! Говорю: «Ленина». Они записали. Хотя Вайцмана, но это все равно (Хаим Вейцман – первый президент Израиля). Ленина, Вайцмана. Я сказал: «Улица Ленина». Они говорят: «Вот, хорошо».

Российскому читателю не нужно объяснять значение прописки в жизни человека, сохранившееся и после распада СССР. Петр высмеивает жесткость устаревших правил, вольно заменяя улицу Вейцмана улицей Ленина, подчеркивая этим, что культ отцов-основателей – не специфически советский феномен.

Следующая рассказчица, Нина З., – профессиональный экскурсовод. По роду занятий, она всегда перед публикой и помнит бесчисленное количество занимательных историй. Общение с туристами, равно, как и с коллегами, такими же профессионалами, как и она, постоянно обновляет Нинин обширный репертуар. Заметим, однако, что энтузиазм улетучился, едва Нина увидела включенный магнитофон. Во время интервью она контролировала каждое произнесенное слово и требовала прекратить запись всякий раз, когда дело касалось личных проблем, что не могло не повлиять на характер беседы. В ответ на вопрос интервьюера о причинах столь жесткой самоцензуры, Нина объяснила ее частично привычкой, сохранившейся с советских времен, а частично уже выработанной в Израиле осторожностью в связи с нередкими случаями «промышленного шпионажа»: турист, записывающий экскурсию, может быть родственником или знакомым экскурсовода-конкурента, стремящегося украсть разработанный ею текст. Таким образом, все истории, записанные Ниной на магнитофон, входят в ее стандартный репертуар. Две из них мы и процитируем ниже.

Нина З., 46

Нина: На меня произвела впечатление первая экскурсия, через год после моего приезда, моя первая экскурсия в Израиле.

Интервьюер: Которую Вы проводили?

Нина: Которую я проводила, учась ещё на первом курсе (двухгодичных курсов экскурсоводов при Еврейском университете в Иерусалиме). Водитель был марокканец такой, с толстой цепью в два пальца, очень кучерявый. Когда я пришла на экскурсию, он (неразборчиво): «Ты, что, из России?» Я говорю: «Да». Он говорит: «А Машу знаешь? Она тоже из России». Я говорю: «Нет, не знаю». На следующий день я ему принесла карту России. Он посмотрел на карту и сказал, что это – ерунда, такое одно государство быть не может (смех). Я говорю: «Понимаешь, поэтому я не знала Машу». Вот это произвело впечатление.

(...)

Нина: Ещё одна история случилась не со мной, а с моим коллегой, который вёл не так давно нового русского в роскошном лимузине. Он напрягал, новый русский лет двадцати четырёх–двадцати пяти, напрягал страшно все свои извилины, чтоб воспринять святость и все эти красоты Иерусалима. Кульминацией экскурсии был подъём на вершину Масличной горы. По версии всех трёх религий это место, откуда явится Мессия, причём здесь между религиями нет разногласий, все в этом уверены. И стоя на вершине горы, мой коллега сказал новому русскому, что «вот, видишь, внизу золотой купол мечети Омара, и это место, откуда, считает мусульманский мир, вознёсся Магомет. А рядом с нами, на Масличной горе, стоит колокольня русского православного монастыря Вознесения. Это место, откуда, христианский мир считает, вознёсся Иисус». Напряг свои не такие уж плохие мозги, раз сумел стать новым русским, молодой человек, сказал, сощурившись: «Да у вас тут, блин, Байконур!» (смех), чем вызвал восторг у моего коллеги.

В третьей главе мы цитировали анекдоты о марокканцах, воспринимаемых в качестве восточных чужаков. Эти анекдоты, и переведенные с иврита, и возникшие в русскоязычной среде, весьма популярны среди иммигрантов. В Нинином меморате, как и в анекдотах, подчеркивается невежество, наивность, а иногда и антирусские настроения марокканских евреев. Протагонистом второй истории стал «новый русский», любимый герой постсоветских анекдотов, молодой и невежественный нувориш, оказавшийся на вершине социальной лестницы в обход сломленных резкой сменой общественной формации грамотных и умудренных опытом интеллигентов (о «новых русских» в постсоветских российских анекдотах см. Шмелева, Шмелев 2002: 65–68). Несмотря на то, что Нина не видела туриста как такового, она живо изобразила его мыслительные потуги и спародировала интонации, подчеркнув комичность и неожиданность концовки, типичной для традиционного анекдота.

Мы уже рассказывали о том, что превосходство над израильтянами является неотъемлемой чертой эмигрантского дискурса. Из-

раильтянам приписывается невежество во всех сферах, будь-то география, наука, музыка и т.д. Причем феномен этот встречается не только в устной коммуникации, но и в юмористических отделах русскоязычной прессы (Зильберг 1995: 12–15). Незамеченным оказался тот очевидный факт, что, лишившись исходного социального статуса, эмигранты выпали из привычного круга общения, а их новые израильские знакомые (рыночные торговцы, социальные и почтовые работники, сантехники и маклеры) не относятся к представителям образованного слоя. Более того, единственным критерием образованности является знакомство с русской и европейской культурой, а собственное невежество в области израильской и, шире, еврейской культуры в расчет не принимается. Часто объектом насмешки становятся работодатели или квартирные хозяева, от которых мигранты напрямую зависят. Юмор, как известно, позволяет выразить критические замечания в приемлемой форме поверх иерархических барьеров (Холмс и Марра 2002: 66). В данном случае, однако, он работает, скорее не поверх, а внутри барьеров, не доходя до объекта из-за языковых различий. Косноязычие в иврите препятствует шуткам, иронии и зубоскальству, а психологическая компенсация достигается за счет рассказов, циркулирующих внутри иммигрантской общины.

Анастасия Ц., 48 (ИАФР 22123)

Анекдот последний. Значит, так, когда муж мой устроился на работу, они в обед вышли, на солнышке греются, там, едят бутерброды и слушают музыку – Моцарта. Вышел *ба-лабит* (хозяин – иврит) и спрашивает: «Ну, – говорит, – какая хорошая музыка!» И говорит: «Кто это?» Он (муж) говорит: «Это Моцарт». Он (хозяин) говорит: «*Оле хадаш? Кама зман ху баарец?*» (Новый репатриант? Давно в Израиле? – иврит).

Анастасия рассказала нам и другую подобную историю, роль невежды в которой отводилась религиозной учительнице, не

знавшей, кто такой Альберт Эйнштейн (ИАФР 22124). К тому же типу рассказов относится и история Ады Г.

Ада Г., 49

Когда он (сын) лежал в Левинштейн (больница для спинальных больных), а там с ним был э-э, значит, ухаживал эфиоп. А он же очень непосредственный. Вот он увидел э-э там картинка. Видно, кто-то из русских нарисовал картину. Там, значит, это сестрица Аленушка и братец Иванушка, и она сидит и плачет. А этот, значит, эфиоп, у Гриши спрашивает: «Что здесь на картине?» Гриша ему рассказывает: «Вот, Иванушка, его забрали гуси-лебеди, а его сестра, значит, машет рукой. Но сестра на иврите *ахот*. «Какая *ахот*, *мибейт-холом*?» (Какая сестра? Из больницы? – иврит)⁶.

Большая часть анекдотов из эмигрантского репертуара включает в себя пренебрежение к кому-либо (ср. Сульс 1983: 51). Самоирония встречается реже, чем агрессия, и, как правило, в личных историях о языковых ошибках, о которых мы расскажем в седьмой главе. И все же самоирония не исключается, как видно из двух приведенных ниже примеров. В первом перефразирован популярный куплет, а второй представляет собой характерный анекдот.

Инна Х., 52

(Информантка выказывает раздражение поведением соседей-пенсионеров, приехавших из бывшего СССР, живущих на пособие, разъезжающих по экскурсиям и постоянно недовольных Израилем)

Сидят целыми вечерами у этого подъезда и частят всех и вся. И порядки – все ж приехали, все ж знают! Вот от одного этого хотелось их всех четко убить. Из чувства противоречия вообще встать с израильским флагом и сказать: «Я за «Аводу»! ... Если там было: «Если в кране нет воды, воду выпили жида», да? А здесь: «Если в кране нет воды, то это козни Аводы!»

К сожалению, нам не удалось установить автора до сих пор популярных куплетов об антисемитах, процитированных Инной. Полный текст их можно найти на разных сайтах в Интернете, где они попеременно приписываются Владимиру Высоцкому и Юлию Киму. Парафразы этих куплетов отражают изменения на политической арене в СНГ и в Израиле. Жиды, например, иногда заменяются армянами или чеченскими террористами (<http://www.noekovcheg.ru/article.asp?n=54&a=007> и http://www.kvestnik.org/cgi-bin/newssite4/news_look_inside.cgi?newstime=2001/04/20/17_49_09&newslang=12_6.04.2004), а на израильской почве вариации клише достигаются заменой разных политических партий. Так, Инна упоминает партию Авода (партия Труда), правившую в середине 90-х годов. А в 2002 г. появился лозунг: «Если в кране нет

воды – голосуй за Либермана», отражающий не только «поправление» русскоязычных избирателей, но и жесткую политику министра Авигодора Либермана (блок Ихуд Леуми – Национальное единство) по вопросам водных ресурсов. (<http://www.israel-forum.org/showthread.php?s=ab79e185387728f972834c148efecd01&threadid=8209> 20.12.2002).

Дмитрий К., 38 (ИАФР 22148)

Значит, приходит человек в ресторан с собачкой. Вокруг него крутится официант. Подал ему закуску. Крутится около него, не может никак отойти. Мнется, мнется, наконец-то вздыхает, подходит к нему и говорит:

– Вот, Вы думаете, что я тут всю жизнь работал? Вообще, Вы думаете, это моя специальность? Работать официантом?

– Да, нет, я так не думаю.

– Вы не думайте, что я работал в Союзе официантом. Вообще, я – инженер. Я в Союзе работал инженером на большом предприятии.

– Ну, хорошо...

– А вот, смотрите, видите – грузчики? Так вот, их специальность не грузчики, каждый из них – кандидат наук, они работали в серьезной лаборатории. А видите, эта женщина...

– Да нет, я совсем не думаю, что они грузчики по специальности.

– А видите, эта женщина... Вот видите, она тут расфасовывает товар. Так вот, она работала директором кондитерской фабрики. Вы не думаете, что она...

– Знаете, Вы видите эту собачку?

– Вижу.

– Так вот, раньше она бультерьером была!

Потеря профессионального статуса, временная для одних и постоянная для других, – одна из традиционных тем эмигрантского дискурса. Процитированный анекдот высмеивает бесконечные

воспоминания о блестящем прошлом, намекая на их преувеличенный характер.

Анекдоты, как и пословицы и поговорки, нередко включаются в текст для указания на знакомую ситуацию, поскольку оперируют конкретными, а не абстрактными понятиями. Конкретные понятия, по наблюдению Хонекка, не только являются богатым источником информации, но и существенно понятнее абстрактных. Пословицы и анекдоты, включенные в макротекст, представляют собой перевод «ментальной гипотетичности в конкретную реальность, построенную на аналогии» (Хонекк 1997: 180).

Пословица как путь решения проблемы

Русский лингвист Николаева убедительно связала возникновение пословиц не только с необходимостью объяснять мир, но и с потребностью человека избавиться от неприятного ощущения социальной нестабильности (Николаева 2000: 115). Все пословицы и поговорки, встречающиеся в нашем материале, органично включены в контекст интервью. Рассказчики прибегают к ним для того, чтобы прояснить свои взгляды, осознать ситуацию в новой стране с позиций предыдущего опыта или воспроизвести этнические стереотипы.

Рассказывая о злоключениях, связанных с переводом дочери в школу, расположенную в богатом районе Хайфы и имеющую лучшую репутацию, чем та, к которой девочка приписана по принципу местожительства, Эльвира Д. подытожила историю пословицей. Поскольку беседа с Эльвирой проходила вне интервью, рассказ остался незаписанным, но по нашей просьбе, она повторила пословицу и объяснила ее при включенном магнитофоне.

Эльвира Д., 34

У нас на Кавказе говорили так: **рука моет руку, а две руки – лицо**, то есть все эти организации они помогают друг другу. А вот уже все эти организации вместе взятые уже

помогают государству. Вот здесь сейчас так не говорят, то есть здесь каждая организация помогает другой организации (неразборчиво). А у нас на Кавказе так вообще было принято, что, если, допустим, один человек в чем-то нуждается и ему хотят помочь, НО не без задней мысли. То есть знали, что когда-нибудь этот человек ему понадобится. То есть и такое тоже было. Люди помогают друг другу, исходя из этой пословицы. То есть что они друг другу помогают, а ПОТОМ, ПОТОМ конечный результат (неразборчиво).

В контексте Эльвириного рассказа пословица подчеркивала, что в Израиле, как и в СССР, государственные организации едины в борьбе против простого человека. Мы нашли несколько вариантов этой пословицы в различных источниках, например: «Рука руку моет, вор вора кроет» (Даль 1957: 168), «Рука руку моет (и обе белы бывают)». Вторую часть пословицы иногда опускают. Латинский эквивалент «Manus manum lavat» (Жуков 1966: 378–379). Три версии данной пословицы есть в сайте русских пословиц: http://puzzles.amparlius.ru/new/pas_search.asp 9.05.2005.

В следующем примере пословица использована для характеристики этнических чужаков.

Ольга З., 50

Понимаете, восточный народ – народ очень хитрый и коварный. Они боятся только палки. Арабы боятся только палки. Насколько я знаю, сколько у меня сын их знает. А он работает с евреями, которые обладают менталитетом арабским. Он служил в армии в военной тюрьме. Причем именно заключенные были арабы. Вот здесь, в Мегидо. Такие арабы, на которых еврейская кровь. Три года. Он их немножечко знает. Вот поэтому, конечно, это то, что мы делаем, – это нельзя. Когда они видят слабость – все! ***То есть дай палец – откусит руку по плечо.***

Ольга нетерпима к новым согражданам и, прежде всего, к тем, кто ассоциируется с Востоком, а именно к евреям из арабских

стран и к арабам. Процитированная ею русская пословица весьма популярна и часто используется в речи в разных вариантах, например: «Пальца (палец) в рот не клади» (Молотков 1978: 198), «Дай на палец – всю руку откусят», «Дай волю на ноготок, а он возьмет на весь локоток» (Даль 1957: 215). Сравнительные словари славянских, русских и английских пословиц указывают английский эквивалент: «Дай ему на инч, он возьмет на ярд (миллю)» (Котова 2000: 110; Мертваго 1995: 10). Пословица, в силу специфики жанра, применима в разных ситуациях, будь-то разговор о непослушных детях, о конфликтных сотрудниках или о коварных врагах, так что и в контексте отношения к Востоку тоже воспринимается адекватно, выступая аргументом в защиту Ольгиных политических взглядов.

В нашем материале лишь единожды пословица употреблена для выражения антизападных настроений. Расул О. с гордостью рассказал нам о том, как его дед, высокопоставленный советский чиновник, был известен своей честностью и неподкупностью. И затем продолжил: «Я, конечно, намного более меркантильный, чем он, потому что вырос на Западе. А **«с волками жить – по волчьи выть»**.

Немецкий паремиолог Вольфганг Мидер убедительно показал, что большая группа пословиц и поговорок, восходящих к глубокой древности, имеет ксенофобный характер и служит для поддержания стереотипа врага по отношению ко всевозможным меньшинствам, воспринимаемым, как опасным и неполноценным, будь то евреи, цыгане или афроамериканцы (Мидер 1997: 7). Богат и корпус русских пословиц антиеврейского содержания (Сморгунова 2003: 176–186). И, тем не менее, многие наши информанты, страдавшие в разные периоды своей жизни в СССР и в Израиле от оскорблений, связанных с тем, что в них видели чужаков, с легкостью начали оскорблять других, едва такая возможность представилась.

Нередко рассказчики используют ставшие фразеологическими выражения из художественной литературы. Иногда они знают об их источнике, как, например, Ева Ф., с реминисценцией из «Золо-

того ключика», а иногда используют их автоматически, как пословицу.

Ирина И., 25

Я, вот, со сколькими русскими я общалась здесь. Многие считали, что они приедут в Израиль, и им все **преподнесут на блюдечке деньги**, вот. Они будут, квартиры, машины. Это понятно было и тогда, когда уезжали только в страну, что этого не будет. Потому что, если ты хочешь что-то иметь, нужно работать. Как и было, в принципе, и там. Хорошая пословица: **«Кто не работает, тот не ест»**. Поэтому этого шока я в Израиле не испытала.

В процитированном фрагменте встречаются две не осознанные Ириной реминисценции: первая на «Золотого теленка», герой которого, Остап Бендер, предпочитал получать деньги на «блюдечке с голубой каемочкой» (Ильф и Петров 1962: 32), а вторая – на Новый Завет: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Второе послание к Фессалоникийцам, 3: 10). Российскому читателю памятно использование этого выражения в качестве советского лозунга, а многие, как и Ирина, считают его пословицей. Заметим, что среди пословиц о еде, зарегистрированных Далем, ближайшей по смыслу является: «Что потрудимся – то и поедим» (Даль 1957: 507).

Шуточный стихотворный фольклор

В нашем материале встречаются тексты, относящиеся к двум стихотворным жанрам русского фольклора: частушки и садистские стишки. Частушкой называется короткая, от двух до шести стихов (чаще всего четырехстрочная) песенка, представляющая собой реакцию (положительную или отрицательную) на различные явления жизни. Частушки исполняются в учащенном темпе под аккомпанемент балалайки или аккордеона, иногда сопровождаются тан-

цем, порой представляют собой диалог между двумя группами (мужской и женской, например). Характерной чертой жанра является нарушение всевозможных табу – политических, социальных и сексуальных, что обеспечивает их популярность (Боков 1950; Топорков 1995). В последние годы частушки появились в Интернете, как на российских, так и на эмигрантских сайтах. Особенно интересен сайт «Частушка как отражение истории России» (<http://www.inftech.ru/chast/chaind06.htm> 8 апреля 2004).

Приведем четыре версии частушки 70-х об эмиграции в Израиль. Две версии мы записали у бывшего отказника, историка Леонида Прайсмана, иммигрировавшего в Израиль в 1985 г., третью обнаружили в Интернете, а четвертую одна из авторов услышала на дружеской вечеринке среди иммигрантов 90-х. Заметим, что оба исполнителя петь отказались, ограничившись декламацией. В сайте Миши Смирнова, ныне живущего в США, частушки можно читать (или петь) под традиционный аккомпанемент балалайки, звуки которой слышны в виртуальном мире. Цитируемая ниже частушка прислана Мише Смирнову из Израиля.

Всей деревней мы гуляем,
Самогонку пьем в разлив.
Тракторист Семенов Ваня
Уезжает в Тель-Авив.

Прощевай, моя Маланья,
Уезжаю за кордон,
Потому что по мамане
Я не Тютькин, а Гордон. (Записаны от Леонида Прайс-
мана)

Слышишь, Ваня дорогой,
Слышишь, ножик точится,
Сделай Ваня обрезанье –
Страсть в Израиль хочется.
(<http://www.barynya.com/misha>
8 апреля 2004)

Надоело мне в Рязани
Танцевать с тобой кадриль.
Сделай, Ваня, обрезанье,
Мы поедem в Израиль. (Из этнографического дневника)

Эти частушки возникли в 1970-е годы, когда евреи получили возможность эмигрировать из СССР, что резко изменило их общественную ситуацию. Пятая графа, всегда стоявшая на пути их профессионального и карьерного роста, неожиданно стала козырной картой. Частушки высмеивают желание неевреев или евреев, скрывавших свое происхождение, уехать из СССР по «еврейскому пути». Не случайно использование типично русских имен и фамилий (Ваня, Маланья, Семенов, Тюткин), просторечной лексики (прощевай, маманя, страсть хочется, гуляем – в значении празднуем, пьем алкоголь), как не случаен и выбор места действия, будь то деревня или традиционно русский город Рязань, и профессии – тракторист. Напомним, что сельские и рабочие профессии считались стереотипически нееврейскими (Гольдберг-Мулькевич 1983 и в нашем материале см. главу вторую). Обрезание же связывается не с переходом в иудаизм, а с махинацией, необходимой для достижения задуманного. В четвертой частушке бывший Тюткин оказывается галахическим евреем, что, однако не отменяет иронию (напомним, что в анекдоте об Иванове по маме, процитированном во второй главе, протагонист тоже не воспринимался как русский). Лингвистические способы, перечисленные выше, традиционно используются для осмеяния и дистанцирования человека, выпадающего из группы (Холмс и Марра 2002: 82).

Чувство незащищенности знакомо в той или иной мере всем эмигрантам. В Израиле оно усиливается из-за нестабильности политической ситуации, терактов и постоянной угрозы войны. Поэтому не удивляет растущая популярность садистских стишков, примеры которых нам встретились и в интервью, и в Интернете. В 2002 г. в еженедельном юмористическом приложении «Беседер:

для тех, кому еще смешно» был объявлен конкурс читателей на лучшие садистские стишки под заголовком «Черный ящик».

Садистские стишки как жанр возникли в России в 70-е годы. Они гиперболизируют и высмеивают ужасы жизни, снимая при этом напряжение слушателей. В 90-е годы их стали записывать и издавать, двумя изданиями вышла «Антология черного юмора» (Белоусов 1998: 551). Разумеется, в Израиле темами садистских стихов становятся теракты, финансовые проблемы и банковские ссуды, конфликты между религиозными и светскими израильтянами и т.д. Причем, как и частушки, они прочно обосновались в Интернете, например, на популярном израильском портале «Союз» (<http://souz.co.il/humor/read.html?id=491> 8 апреля 2004). Это подтверждает утверждение Бен-Амоса о том, что в реальности устные тексты пересекают границу письменной литературы, изобразительного искусства и музыки; и наоборот, исполнение песен и сказок испытывает влияние печати (Бен-Амос 1971: 14). Злодеями в садистских стихах оказываются «добрые» мамы, «щедрые дедушки и бабушки», «наивные» дети и прочие герои, традиционно считающиеся положительными. В Интернете среди них можно найти хаббадников (членов еврейского религиозного движения Хаббад), израильских солдат, активистов крайне правого движения Ках и даже Деда Мороза.

Дед Мороз в мешочек бомбу положил
И подарок этот мальчику вручил.
Не плясать мальчонке, песню не запеть –
Даже шапку больше не на что надеть...

В Яффо гулял иностранный турист.
Тихо подкрался к нему террорист.
Выстрел раздался, туриста не стало.
Метко стреляют солдаты ЦАХАЛА.

Как известно, израильтяне гордятся своей армией, но в перевернутом мире садистских стихов, солдаты Армии обороны Из-

раиля (ЦАХАЛА) оказываются столь же опасными для граждан, как и террористы, но не по злобе, а по некомпетентности. Террористические атаки – частая тема садистских стишков, где бы они ни появлялись: в устном исполнении, в Интернете или в газетном конкурсе, упомянутом выше.

В следующем примере обыгрываются специфические проблемы репатрианта (оле) и, прежде всего, зависть старожилов к быстро обустроившимся выходцам из бывшего СССР. Действительно, многие купили машины и квартиры еще до того, как нашли стабильную работу, что вызвало раздражение у налогоплательщиков, воспринявших столь быстрый подъем как нарушение всех и всяческих норм, если не как прямое воровство. Вторая проблема связана с осознанием иммигрантами того факта, что деньги, полученные ими от Израиля («корзина абсорбции»), превратятся в ссуду, которую следует вернуть с процентами, если они надумают уехать из страны в течение первых трех лет. И, как следствие, банк Идуд, занимающийся этими выплатами, воспринимается как карательная организация.

Новый оле приобрел «Понтиак».
Спичку метнули ему в бензобак.
Быстро взорвались пары от бензина.
Нет, не вернет он «Идуду» корзину.

Экономический успех меньшинств, даже успех воображаемый, традиционно раздражает конкурирующие группы, воспринимаясь ими как незаслуженный и потенциально опасный для собственного благополучия. В нашем примере уничтожается дорогая машина, купленная иммигрантом, как можно понять из стишка, на ссуду, полученную в банке «Идуд» («вот на что идут деньги налогоплательщиков!»). Однако, так ситуация воспринимается не только в Израиле. В своей классической работе об этнических и расовых стереотипах Адорно процитировал информанта, говорящего о том, что негра нельзя увидеть за рулем обычных машин – у него только «Кадиллак

или Паккард» (Адорно 1950: 616). Протагонисты, как и марки машин, легко поддаются замене, но схема продолжает работать.

В четвертой главе мы уже говорили об одной из самых мучительных проблем иммигрантов – об отсутствии стабильного жилья. Не имея опыта съема жилья на частном рынке, выходцы из СССР были вынуждены брать ипотечную ссуду (*машканту*) и всевозможные дополнительные ссуды на покупку квартиры, обрекая себя на почти тридцатилетние финансовые обязательства при отсутствии постоянного источника дохода. В ином случае им предстояло, чуть ли не ежегодно, переезжать с квартиры на квартиру, регулярно выплачивая деньги маклерам и грузчикам. Дело осложнялось тем, что для получения денег покупатели были обязаны предоставить банку нескольких поручителей (гарантов), готовых вернуть долг в случае их неплатежеспособности. Заметим, что гарантов чаще всего искали среди таких же безденежных иммигрантов, не понимающих всей тяжести ответственности. Спустя несколько лет, многие начинали выплачивать долги своих случайных знакомых, удравших за границу, спившихся или просто потерявших работу. И тема эта сразу же проникла в садистские стишки:

Дети в подвале играли в *машканту*.
Зверски замучены десять гарантов.

Это двестише, записанное нами от Даны Л., представляет собой пародию на популярный в СССР садистский стишок:

Дети в подвале играли в гестапо,
Зверски замучен сантехник Потапов.

В двух следующих четверостишиях на первый план выдвигаются конфликты между светскими израильтянами, равнодушными к соблюдению религиозных правил и ритуалов, в частности, к требованию кошерности, и ультрарелигиозным сектором израильского общества.

Мальчик с котлетою кушал творог,
Зоркий хаббадник его подстерег,
Но не узнают несчастные деды,
Что маленький внук их погиб за котлету.

Мальчик с котлетою кушал творог,
Зоркий хаббадник его подстерег,
Б-г да помилует грешную душу
Только кошерное следует кушать.

По наблюдению Зильберг, тема кошерности обыгрывается регулярно, поскольку напрямую связана с восприятием еврейства (Зильберг 1995: 16–17). В соответствии с требованиями жанра, в обоих четверостишиях много несоответствий и преувеличений. И творог с котлетой весьма нехарактерен (не то, что с хлебом и маслом!), и столь жесткое наказание за прегрешение. Заметим, что концовка первого стиха пародирует патетику знакомой фразы «погиб за Родину, погиб за революцию», неожиданно превращая «маленького мальчика» в подобие пионера-героя. Второе четверостишие псевдо-дидактично и как бы утверждает справедливость полученной кары. Заметим, что в слове «бог» пропущена гласная, дабы не упоминать его всуе. Приведенные примеры показывают преемственность между садистскими стихами, возникшими на израильской почве, с их советскими предшественниками. Мир, изображенный в них, очевидно враждебен человеку, будь-то маленький мальчик или взрослый иммигрант. Наказание всегда непропорционально вине, а его жестокость доведена до абсурда. Гиперболизация зла в садистских стихах ведет к его осмеянию, и, как следствие, к катарсису.

Анализируя специфику еврейского юмора, Бен-Амос отмечает его направленность во внутрь. Смех над собой свидетельствует не о ненависти к себе, а о секторальности общества (Бен-Амос 1973: 129). Грустная реальность состоит в том, что евреи, входящие в

разные сектора, видят друг в друге чужаков, от которых хотят дистанцироваться.

Легенды о праведнике

Немногие из наших информантов знакомы с еврейскими легендами, поэтому обращения к еврейскому фольклору единичны и касаются, прежде всего, элементов еврейской традиции, сохранившихся в советский период. Лишь одна Дана Л., регулярно проводившая летние каникулы у бабушки в Умани, рассказала истории о рабби Нахмане.

Дана Л., 23

На Украине обнаружился там цаддик. Это у нас в Умани святой еврей. При чём он обнаружился на территории частной какого-то украинского даже чуть ли не антисемита, который, конечно, стал на этом делать, я думаю, деньги и бизнес. И он там организовал такое место. Там можно было сидеть там, там кушать, там хасиды эти туда стаями и тучами налетали. И мы перед отъездом решили, что раз мы едем (*пауза*) в святой Израиль, а уже цаддик уже тут, так грех пойти не помолиться. И вот мы пришли. И там лежат бумажечки, и там русскими буквами написан текст молитвы. И мой дядя взял этот текст, отчитал (*пауза*) за всю нашу семью всю молитву, хотя он совсем не из тех, кто верит, но всё-таки, в нас это где-то сидит, видимо у всех, чтобы нам здесь было хорошо. Он помолился, прочитал всё это дело, и э-э мы так это всё сфотографировались там как-то, то есть приехали в Израиль, уже заручившись поддержкой цаддика. Вот, а тут, кстати, тоже вот мы старались соблюдать. У нас тут два года назад дедушки не стало. И мы, для моей бабушки было очень важно, не просто собрать миньян и чтобы всё было, как надо, чтоб был рав, и чтобы через год – не все это делают – через год опять собрать миньян и прочитать молитву. И дядя мой тоже выучил, потому что русским трудно читать даже русскими буквами. Так он себе отпечатал на компьютере молитву

(по секрету расскажу – дядя будет недоволен). Он отпечатал молитву русскими буквами, вложил её в Танах, выучил её наизусть, чтобы я уже не знаю, перед кем он хотел, чтоб подумали, что он так хорошо, вот, прочитал молитву. Быстро. Вот. Так что вот.

Дану мы интервьюировали дважды с интервалом в два года. Рассказ, приведенный выше, был записан во время нашей первой беседы, когда Дана еще не знала имени цаддика. Во время второго интервью она рассказала и другие истории о нем, четко указав, что речь идет именно о рабби Нахмане из Умани. Ни один из этих рассказов не похож на традиционную еврейскую легенду. В одном говорилось о безуспешных попытках хасидов выкрасть тело рабби, пресеченных владелицей участка, разбогатевшей на паломниках и рассматривающей могилу как свою частную собственность. Во втором речь шла о «чуде», содеянном рабби, благодаря которому Даниному отцу, уже после эмиграции, удалось провезти через таможенный контроль подшивки старых журналов, собранные им еще в советский период, но запрещенные к вывозу. Вера Даны в сверхъестественные силы, будь-то домовая, шаман или цаддик сочетаются со скептицизмом и иронией, что характерно для наших информантов. Не принимая официальное религиозное мировоззрение, они готовы к встрече с неизвестным, способным чудесным образом повлиять на их судьбу, обеспечив удачу и благополучие.

Примечания:

¹ Материал этой главы частично опубликован в статье: Еленевская и Фиалкова 2003.

² Небольшая вариативность в цитировании этой концовки разными авторами является отличительной чертой фольклора.

³ ИАФР 18698, 18714, 18730, 19447, 20795, 20798, 20799, 20809, 20812, 20835, 20837, 20847, 20850, 20855, 20861, 20862, 20870, 20876, 20880, 20883 и 21322.

⁴ Четырнадцать анекдотов записаны студенткой Хайфского университета Эллой Рыбак (ИАФР 22560–22574) и два (ИАФР 22134 и 22135) Ларисой Фиалковой.

⁵ Несмотря на то, что 8 марта – это Международный женский день, в Израиле его отмечают редко.

⁶ Параллельно с рассказами о неграмотности израильтян активно циркулируют и сюжеты, в которых они высокомерно подозревают выходцев из СССР в неспособности справиться с газовой плитой, холодильником или телевизором. Нину З., например, квартирная хозяйка «обучала» пользованию ванной и туалетом. Приведем в качестве примера рассказы Ирины И., и Григория Г.

Ирина И., 25

Трудно найти работу и устроиться, потому что здесь отношение к русским, у местных, даже не знаю, как объяснить, потому что они считают нас какими-то плебеями, которые не знают даже, что такое розетка. Как у нас это спрашивали в *ульпане*: «Вы знаете, что такое электричество?» Вот. Хотя, когда это все было изобретено, придумано, они еще сидели на пальмах. Вот. Ну, отношение к нам абсолютно ужасное. Вот. И до сих пор еще, конечно, отличаемся, общаемся с русскими. А о местных говорим это «они», это «мы», хотя живем в Израиле.

Григорий Г., 30

Когда мы приехали, ко мне приходил физиотерапевт (влияние иврита) из Маккаби – больничной кассы. Араб. И увидел, что у нас стоит видеоманитофон. Ну, и телевизор мы тут уже купили. И он так удивился. И говорил: «Что, там был видеоманитофон?» Я говорю: «Да, естественно». «Что, и телевизор цветной?» Я говорю, это самое «Ты думаешь, мы приехали из леса? Что волки бегают по улицам?» Для него это было так удивительно.